

Цюаньцзы сидел на деревянном мосту, обняв лук, за спиной — колчан. Он гладил лук, нежно, словно младенца. Такого хорошего лука он никогда не видел и уж тем более не держал в руках. Древесина твёрдая, массивная, в руках лежит отлично. Весь покрыт цветным лаком, на концах — пластины из буйволиного рога, и прочно, и красиво. Весь набор — и лук, и колчан, и стрелы — сделан был на диво искусно. Цюаньцзы не мог оторвать от него рук, и сердце его переполняла благодарность к Чжуан Яну. Но вместе с благодарностью росло и недоумение: за что ему такое расположение?

Может, что-то нужно от него?

Но он же ещё несовершеннолетний, гроша за душой нет, бедный крестьянин. Нет у него ничего, что могло бы понадобиться Чжуан Яну.

Или, может, хотят, чтобы он хорошо научился стрелять, вырос и защищал их семью?

Цюаньцзы не понимал и перестал думать об этом.

— Цюаньцзы, на, поешь, — Чжуан Лань протянула ему что-то.

Цюаньцзы машинально взял — в ладони оказалась горсть сушёных слив. Он сунул одну в рот — кисло-сладкая, очень вкусно.

— Цюаньцзы, мы пошли, — А-Пин взял Чжуан Лань за руку, та помахала на прощание.

Цюаньцзы кивнул, смотрел, как соседские ребята уходят, и только тогда заметил, что скоро совсем стемнеет.

Цюаньцзы отнёс лук домой. Матушка Лю спросила, откуда он. Цюаньцзы честно рассказал. Матушка Лю долго молчала, а потом сказала:

— Ну что ж, учи его стрельбе как следует. Обещал — делай от души.

Цюаньцзы ответил:

— Хорошо.

Матушка Лю в луках не разбиралась, но видела — набор богатый, наверняка дороговущий. Видно, Цюаньцзы приглянулся второму господину Чжуану. Но на душе у матери почему-то было беспокойно. Цюаньцзы стрелял хорошо, славился этим во всей деревне Фэн. Но времена беспокойные, с таким умением, как подрастёт, не миновать, пожалуй, поля боя.

Юный Цюаньцзы материнских тревог не ведал. Лёг спать, обняв лук. За всю свою жизнь он никогда не получал такого замечательного подарка. Очень уж он ему нравился.

Во сне Цюаньцзы увидел Чжуан Яна в белых одеждах, стоящего на деревянной галерее второго этажа их дома. Ярко-алые камелии оттеняли его улыбающееся лицо. Он смотрел на Цюаньцзы во дворе, мягко, и указывал пальцем на утреннюю зарю у горизонта. Но Цюаньцзы не последовал за его пальцем — его взгляд, почти замороженный, был прикован к Чжуан Яну на галерее.

Не знал почему, но глядя на него, на душе становилось тепло и радостно.

Во дворе семьи Чжуан у камелий установили мишень.

С тех пор Цюаньцзы каждый день после полудня приходил учить А-Пина стрельбе. Они были почти ровесниками, но Цюаньцзы казался куда степеннее, совсем как взрослый.

— Руку на рукоять, локоть выпрями, подними, вот так, как я.

Цюаньцзы показывал, как держать лук. Стойка у него была красивой, чёткой.

А-Пин повторял, поправляя позу.

Во дворе уже собрались посмотреть слуги. А-Хэ у колодца резала овощи, подняла голову, ахнула:

— Глянь-ка, прямо как полководец, какой видный!

Чжуан Ян сидел на галерее, спокойно наблюдая. Рядом пристроился Чжусунь. Увидев Чжуан Яна, тот всегда бежал к нему. Чтобы пёс не хватал зубами за одежду, Чжуан Ян положил ему руку на голову и гладил. Чжусунь удобно улёгся на пол и замер. Чжуан Ян видел — Цюаньцзы учит старательно, А-Пин тоже учится с усердием. И хорошо. А-Пин уже подрастает, скоро придётся отправляться на учёбу. Времена беспокойные, мастерство защитное не помешает. И купеческим сыновьям, и отпрыскам знатных родов — всем нужно уметь стрелять.

— Выпускай.

По команде Цюаньцзы А-Пин выпустил деревянную стрелу. Та вонзилась в мишень, хоть и не в самую середину.

— Ха, попал! — обрадовался А-Пин.

Это был его первый удачный выстрел. У подножия мишени в беспорядке валялись несколько промахнувшихся стрел.

— Я тоже хочу научиться!

Из дома выбежала Чжуан Лань, вся в чернильных пятнах.

— Иди писать.

— Не хочу, я уже написала.

Дети уцепились за луки, не желая отдавать.

— А-Лань, иди сюда.

Чжуан Лань покорно подошла. Чжуан Ян, увидев её размалёванное лицо, с трудом сдержал улыбку:

— Как это ты умудрилась измазаться?

Чжуан Лань потянулась вытереть лицо рукавом, но Чжуан Ян остановил её:

— Уснула за письмом, что ли?

Он достал платок и вытер ей лицо. Чжуан Лань смущённо пробормотала:

— Нет, не уснула.

Она всего лишь немного вздремнула и случайно прижалась щекой к исписанному листу.

Бедные семьи обычно пишут палками на песке. Чжуан Ян считал, что так почерк не поставишь, и велел Чжуан Лань писать на листьях. Собирали большие листья бананового дерева — на них много места.

Чжуан Ян убрал платок, поднял глаза и увидел, что Цюаньцзы смотрит на него. Он улыбнулся:

— Если устал, иди отдохни, выпей чашку бобового отвара.

Цюаньцзы поспешно отвернулся и покачал головой.

— Цюаньцзы, я правильно сделал?

А-Пин продемонстрировал стойку для натяжения лука. Взгляд его теперь светился уважением.

— Рука не дрожи, глаза на мишень, — поправил его Цюаньцзы.

— Ладно, выпускай.

А-Пин спокойно выпустил стрелу и снова попал в мишень.

— Цюаньцзы, а меня научишь?

А-Ли подошёл с луком за спиной и колчаном в руке. Лук-то у него был, но обращаться с ним он не умел.

— Подходи.

— Ура!

А-Ли радостно пристроился рядом с А-Пином, бездумно натянул тетиву, задрал лук над головой. Раньше он не только читать не любил, но и к стрельбе интереса не проявлял. Детское любопытство — увидел, что А-Пин учится, и сам потянулся.

— Руку ниже, выпрями, держи за рукоять, а не за концы.

Цюаньцзы поправлял его ошибки. Думал про себя: если бы дядя Ван учил А-Ли, тому бы досталось. Даже если не умеешь стрелять, должен же видеть, как другие держат.

Так и прошёл весь день: Цюаньцзы без усталости учил А-Пина и А-Ли, а потом присоединилась и Чжуан Лань. Та хуже всех: схватила лук и, не дожидаясь, пока её поправят, выпустила стрелу в старое дерево за воротами. Стрела со свистом пролетела над каменной дорожкой. Пришлось Цюаньцзы лезть на дерево и доставать её.

Стрельба из лука требует терпения и сосредоточенности, а Чжуан Лань была слишком порывиста.

Услышав шум во дворе, матушка Чжуан вышла посмотреть. Чжуан Ян подошёл к ней.

— Лук да стрела — дело нешуточное, смотрите, чтобы дети не поранились, — сказала матушка Чжуан.

Она не видела, как Чжуан Лань выпустила ту стрелу, иначе та не избежала бы выговора.

— Не беспокойся, матушка, я здесь, присмотрю.

Матушка Чжуан не любила оружия. Каждый раз, когда стрела со звоном вонзалась в мишень, она вздрагивала, словно её саму задела.

— Матушка, если страшно, не смотри.

Матушка Чжуан улыбнулась:

— Пин-эр раньше таким трусишкой был, а глянь теперь — какой молодец.

А-Пин выпустил последнюю стрелу из колчана и уверенно зашагал к мишени собирать их. Матушка Чжуан замечала: он стал общительнее, в нём многое изменилось.

— Этот мальчик не простой, — указала она на Цюаньцзы.

Дети во дворе то и дело перекликались: «Цюаньцзы!», «Цюаньцзы, посмотри!».

Чжуан Ян кивнул. Он и сам давно приметил. В Цюаньцзы была какая-то особенная черта, которой не было у его сверстников. Что именно это было — Чжуан Ян и сам толком сказать не мог.

Тетива отпущена, стрела, быстро вращаясь в полёте, пронзила летящую утку. Птица не успела даже пискнуть, как бесшумно рухнула с неба.

В тот миг, когда утка коснулась земли, Цюаньцзы уже вернул лук в исходное положение и плавно опустил его. Движения были отточенными, красивыми. А-Пин смотрел, заворожённый.

Раньше А-Пин смотрел свысока на деревенских, грубых работяг. Но к Цюаньцзы он испытывал искреннее уважение. Не только потому, что тот учил его стрельбе, но и потому, что тот и вправду был искусен, да и делал всё спокойно, с уверенностью.

Хотя Цюаньцзы был старше его всего на год, А-Пин чувствовал в нём надёжность, словно в старшем брате.

— Цюаньцзы, птица здесь!

Чжуан Лань побежала вперёд и остановилась на месте. Они были у озера, в зарослях тростника. Высокие стебли скрывали детей почти полностью.

Чжуан Лань не стала подбирать утку, а ткнула в неё палкой. Утка была ранена в живот стрелой, половина перьев была залита кровью. Цюаньцзы наклонился, чтобы поднять её. Пальцы коснулись крови — она была ещё тёплой.

— Бедняжка, только что летала в небе, веселилась, и вдруг — умерла.